

знали бы за что... Знали бы мы, всегда гордые и благодарные, что не изменили ему, Вольному Казачеству.

Опытное и ученое несколько раз оно, горемычное... Не напрасно оно, обезьяненное, забитое „русским напльвом“ призывало нас, ослепленных заколдованным неведением к защите его „чести и свободы“. Но

мы „недением или неведением“, а опростоволосились. Да еще как опростоволосились...

...Напев протяжный песен старины, тоска и удаль, красота разлуки и грусть безбрежная — щемят мне сердце сладкой болью печали, невыразимо близкой и родной...

Дон-Араши.

Наши песни нашим детям.

(Калмыцкой группе окончивших и окончивающих Прижскую реальную гимназию).

(Окончили).

Ко времени ухода наших предков с Волги обратно в Азию (1771) относится песня Убуши-Хана — „Овшо Хана дун“. В ней поется:

„У трех Самарских курганов
Серого инокходца привязал.
Догонит ли солдат с арканом
Против ветра идущего Хана?
Усевшись на сивого Маня
Повел я татарского Серого,
Что же нам готовит
Наш повелитель Убуши?
Маловодна-ли была
Река Уласта,
Малоумными ли оказались
Наши прежние нойоны?
Плоха ли оказалась
Река Нярин,
Или ближайших кайсаков
Приняли за своих „нагданар“?

Разочарование, горе, нужда в пути слышатся в этой песне. Слова ее горечью пропитаны, не одобряют Убуши-хана, ведшего свой народ в Азию после почти полуторастолетнего пребывания на Волге.

Из бодрых песен характерна „Мазан-Батр“, где воспевается бесстрашный, смелый герой, про которого говорится:

У нашего нойона Мазан-Батр
(Зань-айду)
Табун с ушами марала,
Наш нойон Мазан Батр
Владеет урочищем Мани-Тохой.
Как свистнет и выскочит
Он с песней бесстрашной.
Стелются по земле Туркмены.
Как вскрикнет и выскочит
Он с песней смелой.
Стелются по земле киргиз-кайсаки.
Усы у него, как грива
У самца верблюда,
Зубы у него, как бивни
У дикого кабана,
Трубка — в верблюжью голову,
Мундштук — в ногу верблюженка.

Припев „зань-айду“ следует за каждой фразой. Эта песня почти что потеряла свой военный характер — она часто поется хмельными стариками и выражает скорее бессилие, чем отвагу, когда, роняя слезы, хнычут старики: „да были, были люди“.

Ко времени войны 1812 г. относится песня „Сём хамарта паранцуз“ — француз, с носом в четверть. В ней поется:

„У француза нос с четверть,
Я бился с ним, рубился
Не из желания рубиться,
А только лишь защищался.
Гарцует низкорослый конь мой...
Наш владелец Чучей
Держит свой путь в Москву.
Редкостный бегун мой
До края моста домчался —
Тут 50 тысяч французов,

Ну, так давайте их рубить.
Обалдевшие французы
Город Москву разорили.
На кого же оставил нас
Божественный владелец наш?
Как птица к императору полетел
И, достигнув его, не погиб ли он?

В этой песне чувствуется растерянность и неуверенность — рубиться то рубился, но только ради защиты, а не из гордого патриотизма. Больше идет беспокойство о Чучее и его судьбе — не погиб ли он, „божественный владелец наш“. Хочется, как бы со своим человеком посоветоваться — на кого же покинул нас? — поется в песне. Оно и понятно почему это случилось. Известно, что в 1811 г. по высочайшему указу „для усугубления армии нашей легкими иррегулярными войсками“ составлены были 2 калмыцкие полка. Командиром 1-го был сын наместника Чучея-тайши — Джамба Тундудов. Имя Чучея, как более популярное, воспевается вместо имени сына, хотя самого Чучея в то время не было в живых. Попавшие в калмыцкие полки простые калмыки, прежде не служившие в смешанной войске, почувствовали себя растерянными...

Из мирной жизни к концу 18 ст. относится песня „Галдан-Церен-Джиджетен“, называемая по имени путешественника в святые места Зу, У-Тай и т. д. В этой возвышенно-благочестивой песне поется:

„До места Зу можно добраться
Только лишь в 6 месяцев,
Пусть хранит нас Зонкава*)
От всякого зла в пути.
На берегу Кэжэ-пора
Мы передохнем
И святыням недоступным
Доберемся и поклонимся.
У зарослей бурьяна
Табун казенный пасется,
Избранным, высшим святыням
Дойдем и поклонимся...“

Поэтична и красочна на родном языке песня Джимбе-Шараб. В ней поется:

„Солнце сияет, распустились цветы,
Гибкие ламы возносят моления свои.
Темно-гнедой конь до Черкаска мчится,
Джимбе-Шараб благородный
С властью Черкаска разошелся.
Низкорослый темно-гнедой
Инокходью до Москвы домчался,
Наш нойон Джимбе-Шараб
С властью Москвы рассорился.
Идет ему пепельного цвета
Суконный бешмет!
Да выполнит свое дело
Одинок-выросший Джимбе-Шараб!

Быть может утеряны еще слова, но и наличные слова указывают на ее политическое происхождение. Взаимные трения удажались только лишь выдающимися нойонами и владельцами благодаря их знанию чужого языка, а также смелости, свойственной их неза-

*) Реформатор буддизма.

высшему положению. Простые калмыки всецело доверялись и ожидали от своих нойонов чего-то необыкновенного, наивно полагая, что рассорившись с властью Черкаска и Москвы он все-таки сможет выполнять свое дело. Песня, вернее всего, относится ко времени раннему, нежели наше вхождение в состав донского казачества, так как у донцов-калмыков нойонов уже не было, если не считать единственной фамилии, которая уже не имеет потомков по мужской линии.

О городе Варшаве сложена песня донскими калмыками после перехода в Казачество. В ней слышится упадок духа:

Красивый, прекрасный город,
Город Варшава,
Только, как приедешь сюда
Затоскуешь за родными,
А как затоскуешь за родными,
Силы уходят куда-то...
Как станешь с ружьем (на часы)
Болят и коют ноги,
Хот болят и ноют ноги,
Никто не скажет:
„Довольно, миленький!“
Что ты подслаешь
С трудностью царского приказа —
Дрожишь от стужи и стоишь,
Хоть и дрожишь от стужи,
Никто не скажет:
„Довольно, миленький!“

Вообще песни к XX ст. носят какой-то жалобный характер, как бы истощается внутренняя жар, робеют, распыляются и растворяются...

Так, про духовное лицо сложена песня у донских калмыков:

Плетется карий конь гелюна,
Как бы мечтает, раздумывает,
Из-за прекрасной Агдния
Забыл гелюн свой сан.
Борцики жильные
Стали для него ядом,
Сухари мужицкие
Стали священной пищей.
Чай калмыцкий стал
Ядом для него,
Вода же с Донца
Сделалась священным напитком“.

Эта песня характеризует перемену в настроении, упадок традиционных верований. Она подчеркивает и насмехается над таким жалким гелюном, который оказался способным переменить свой сан, предпочесть сухари борцикам, воду Донца калмыцкому чаю. И, вернее всего, соблазнительница иноверка, потому что, если бы она была калмычка, не говорилось бы про замену калмыцкого тушанья на мужицкое. Так раздваивается слабая, безвольная душа. Так же простой калмык, раньше не смеявший осуждать своих духовных лиц, осмелел и бросает насмешки тому, кому поклонялся, коль скоро он оказался не на высоте своего призвания...

В заключение привожу одну из игривых, довольно старинных песен, слова коей таковы:

„Между двух хотонов
Лежит сухой айданчик,
Как возьмешь и кинешь

Становится „алца“ и „та“.

Если станет „алца“ —

Значит счастливо быть,

Если станет „та“ —

Трубку тебе поднесут.

Приедет ли новый зять (женых?)

Постилает новую полсть

И от радости сияет.

Приедет ли старый зять —

Постилает старую полсть

И от злости ворчит...

Рыжий мой танцует —

Проедем ли стройными рядами —

Распитой кистью махнет.

Проелу ли мимо,

Гремя серебряным набором —

Концом рукава махнет...

Под мотив этой песни ухитряются танцевать.

При наличии веры в переселение душ можно заключить, что душа, переходящая из века в век от одного рождения до другого (из этих песен) совершает такого рода цикл.

Душа обозревает мир с высот Алтайских гор, восхищаясь красотами природы, присматриваясь и прислушиваясь к каждому ее проявлению, будь то синева отдаленных гор, полет ли горных орлов, щебетанье-ли жаворонка, крики диких птиц, тишина ли обширной равнины, но ничто не в состоянии усыпить чуткость души, забыть ласки матери, ее слезы, заботы о нем. Благодарная душа помнит ее и ее родных, неотступно при всяком новом рождении.

Та же одна общая для целого народа душа стремится в минуту горя и своим „нагпанар“, зная, что найдет у них ласку, отражающую ласку матери. На гибель обреченный, но не смеющий подняться против старшего брата „добродетелью преисполненный“, он предпочитает удалиться от зла к любящим сердцам.

Та же любящая душа в новом рождении жалуется и тоскует за старушкой матерью. Почему наши песни так заунывны. „Обидлив одинокий, осиротевший“ — говорит наша пословица.

Народ (в целом составе) осиротевший, покинутый отделившийся от главного ядра, озирается, уныло, идет выхода и не находит. И этот свой дух выражает в заунывных песнях, воспевающих осиротевших, одиноких, безнадсждо-тоскующих. И эта лирика нам понятна.

Зато дух удали, отваги слышатся в песне Мазан-Батр. В ней нет ни сомнения, ни колебаний, в ней есть вера в свои силы, в конечную победу, в ней идеальное бесстрашие. Но когда же это было? Когда владели урочищем Мани-Тохой, когда перед ханами калмыцкими „стались по земле“ туркмены, киргизы, кавказцы.

Но гордый, бессмертный дух, переходящий из века в век, от одного рождения до нового рождения претерпевает кризис — поднимается и падает и вновь поднимается...

Так пусть же руководит молодежь нашей бодрый дух, вера в конечную победу. Безвольных и слабых поддержать, а сильным помочь, прославить калмыцкое имя, как говорили „авы“.

Сергей Макеев.

I. Банкет.

Заволновался „русский“ Париж... Зашумела печать. Заскакали курьеры с пакетами и донесениями... Закричали „герольды“ на заводах и в ресторанах...

„Едет!“

Кто? Как? Откуда?

Один из кандидатов в зожди, генерал от инфантерии Перепелкин, надумал посетить Париж.

Само собой разумеется началась лихорадочная

подготовка к банкетам, балам и ужинам. Одно объединение старалось опередить другим. А объединенный в Париже по последней переписи миллион двести тысяч, — так можете себе представить какой тарарам поднялся. Экстренно мобилизовались кошелек и артистические силы. Спешно репетировали гимн, зажигательные речи, тосты, чистили потускневшие от времени ордена и медали и брали на прокат фрак и смокинги.